

Научная статья
УДК 821.111
doi: 10.17223/19986645/91/14

Метатекстуальность романа Д. Коу «Невероятная частная жизнь Максвелла Сима»

Юлия Анатольевна Храмова¹,
Лариса Николаевна Парашенко-Корнейчук²,
Татьяна Анатольевна Свистуненко³

^{1, 2} Саратовский ГМУ им. В.И. Разумовского, Саратов, Россия

³ Саратовская государственная консерватория им. Л.В. Собинова, Саратов, Россия

¹ khramovaya@mail.ru

² par_larisa@mail.ru

³ tsvist@mail.ru

Аннотация. Исследуются некоторые интертекстуальные и метатекстуальные техники при анализе структуры и содержания художественного текста как единого целого. На примере романа современного английского писателя Джонатана Коу «Невероятная частная жизнь Максвелла Сима» (2010) раскрывается роль современной культуры в интерпретации и генерации смыслов, порождаемых взаимодействием этих техник, изучается структурообразующая и смыслообразующая функция символов и математических чисел, исследуется влияние современных информационных технологий и ассоциативно-типологического, историко-культурного мышления на психологию личности.

Ключевые слова: Джонатан Коу, роман, интертекстуальность, метатекстуальность, английская литература

Для цитирования: Храмова Ю.А., Парашенко-Корнейчук Л.Н., Свистуненко Т.А. Метатекстуальность романа Д. Коу «Невероятная частная жизнь Максвелла Сима» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 91. С. 269–280. doi: 10.17223/19986645/91/14

Original article
doi: 10.17223/19986645/91/14

Metatextuality in Jonathan Coe's novel *The Terrible Privacy of Maxwell Sim*

Yulia A. Khramova¹, Larisa N. Paraschenko-Korneychuk²,
Tatiana A. Svistunenکو³

^{1, 2} Saratov State Medical University, Saratov, Russian Federation

³ Saratov State Conservatory named after L. V. Sobinov, Saratov, Russian Federation

¹ khramovaya@mail.ru

² par_larisa@mail.ru

³ tsvist@mail.ru

Abstract. The article explores some intertextual and metatextual practices while analyzing the structure and the content of the literary text as a whole. The study of *The Terrible Privacy of Maxwell Sim* (2010) by contemporary British writer Jonathan Coe has outlined the role of contemporary culture in the generation and interpretation of implications evoked by the interplay of these practices. It also emphasizes the function of symbols and mathematical numbers in the structural and semantic organization of the text as well as the influence of modern technologies and associative, historical, cultural and typological modes of thinking on personality psychology. The authors specify the most salient allusions and cultural codes determining the non-linear perception of the novel due to interaction on principles of correspondence, congruence, conflict, and confrontation. The central theme of the novel appears to be the loneliness of a modern man caused by the impact of globalization and new technologies. The protagonist Maxwell Sim fails to overcome the identity crisis, being entangled in the labyrinths of his own reasoning and thereby losing his personal identity. The absence of meaningful social connections triggers the erosion of his inner self and a gradual replacement of his individuality with mass behavioral patterns and stereotypes. The text subtly incorporates modern communication technologies (Facebook), real historical characters (Donald Crowhurst), allusions to Eliot, Thurber, and Dante. The structure of the novel is also found to acquire certain significance, referring either to Eliot's *Four Quartets*, or to Beethoven's five-part quartets, or to Euler's identity of five constants. The philosophical interpretation of the novel strands in their correlation with archetypes of the historical and cultural matrix offers a comprehensive coverage of internal and external processes determining personality formation and development. The complex analysis of intertextual and metatextual links along with the structural and journalistic components, game techniques employed in the title and the finale has suggested the implementation of value- and personality-forming strategies adopted to motivate the reader to ask questions, contemplate, and search for the answers.

Keywords: Jonathan Coe, novel, intertextuality, metatextuality, british literature

For citation: Khramova, Yu.A., Paraschenko-Korneychuk, L.N. & Svistunenko, T.A. (2024) Metatextuality in Jonathan Coe's novel *The Terrible Privacy of Maxwell Sim*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 91. pp. 269–280. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/91/14

Роман Джонатана Коу «Невероятная частная жизнь Максвелла Сима» («*The Terrible Privacy of Maxwell Sim*», 2010) представляет собой любопытный объект для исследования хотя бы потому, что интереснейшим образом иллюстрирует цитату, высказанную Коу: *Я не способен написать и нескольких предложений, если в моей голове нет четкого представления о том, как должен быть построен роман* [1]. По мнению автора, в конструировании его произведений *определенно присутствует сухой математический расчет* [2], который впоследствии согласовывается с логикой поведения персонажей, переплетением сюжетных составляющих, расположением и внутренним строением глав, выбором лексических и синтаксических средств выражения и т.д. Вероятно, такая предрасположенность автора к выстроенности и внутренней гармонии текста как такового отчасти объясняется любовью к музыке и композиторским талантом Коу. Критики¹ говорят об особой внутренней музыкальности одного из наиболее успешных его романов

¹ См., например: [3, 4]. Подробнее об аллюзии к Элиоту и музыкальным канонам см.: [5].

«Клуб ракалий» (The Rotters' Club, 2001), заглавие которого прямо отсылает к названию одноименного альбома популярной в семидесятые британской рок-группы «Хэтфилд энд Норт» (Hatfield and the North). Роман «Невероятная частная жизнь Максвелла Сима» отличается тем, что «музыкальность» в нем присутствует не внутри, а на поверхности текста, выражаясь в особом построении и расположении глав, комбинации и развитии основных тем и лейтмотивов в структуре каждой отдельной главы и на уровне произведения как единого целого.

Центральной темой этого романа является одиночество современного человека, спровоцированное влиянием глобализации, экономического кризиса и новейших технологий (см.: [6]). С самого начала главный герой Максвелл Сим предстает как патологический неудачник, потерявший в виртуальной реальности Фейсбука, заблудившийся на дорогах родной страны, лишившийся семьи, работы, поддержки друзей. В основе трагикомичности главного героя лежит его заурядность¹, которая вкупе с обыденностью навалившихся на него проблем легко вызывает сочувствие и симпатию². Ближе к середине романа становится ясно, что эта подчеркнутая обыденность главного героя напрямую противоречит заглавию, что подталкивает читателя к поиску и восприятию второго, более глубинного слоя. О наличии этого слоя сигнализирует один из эпиграфов, взятый из книги Николаса Томалина и Рона Хэлла «Необычайное путешествие Дональда Кроухерста»³, реально существовавшего британского путешественника, предпринимателя и авантюриста, попытавшегося сфабриковать кругосветное путешествие и в итоге добровольно расставшегося с жизнью. Главный герой Максвелл Сим, ощущая бесконечное одиночество в мире, переполненном современными технологиями и средствами связи, постепенно начинает отождествлять себя с этим историческим персонажем, каждый раз проводя все более убедитель-

¹ К слову, фамилия главного героя является «говорящей», что, по отзывам многих рецензентов, только подчеркивает обыденность и неотъемлемое присутствие современных технологий (сим-карт) в жизни каждого обывателя.

² Заглавие подразумевает литературную аллюзию к короткому рассказу Джеймса Тёрбера «Тайная жизнь Уолтера Митти» («The Secret Life of Walter Mitty»), повествующему о неуверенном в себе муже-подкаблучнике, живущем в придуманном им мире грез и фантазий.

³ Дональд Кроухерст (1932 – пропал без вести в 1969 г.), попал в список 100 великих авантюристов (100 великих авантюристов / авт.-сост. И.А. Муромов. М.: Вече, 2010. 430 с.) за попытку сфабриковать результаты непрерывной кругосветной гонки на приз «Золотой глобус» от газеты *Sunday Times*. Наряду с поломками яхты и оборудования Кроухерста преследовали напряжение и страх быть разоблаченным. Его яхту нашли в Саргассовом море с подтверждающими обман журналами на борту. Он мог совершить самоубийство, но подлинно это неизвестно. Материалы о нем были собраны журналистами Николасом Томалином и Роном Хэллом в книге «Необычайное путешествие Дональда Кроухерста» («The Strange Last Voyage of Donald Crowhurst»), вышедшей в 2003 г. По мотивам этой истории были также сняты фильмы *Deep Water* (Великобритания, реж. Louise Osmond, Jerry Rothwell, 2006) и «Гонка века» (СССР, реж. Никита Орлов, 1986).

ные сопоставления и аналогии с собственной жизнью. Ближе к финалу романа Макс, отклонившись от маршрута рекламного тура и запутавшись в лабиринте собственных рассуждений, практически сходит с ума, окончательно утрачивая собственную личностную идентичность.

Однако основная игра историко-литературными и культурными аллюзиями происходит на третьем уровне романа, который неразрывно связан с первыми двумя. В отличие от первых двух, программный код этого уровня зашифрован не только в заглавии, но и в названии и построении глав. Структурно эти главы призваны обозначить четыре ключевые точки маршрута Макса: «Сидней – Уотфорд», «Уотфорд – Рединг», «Рединг – Кендал», «Кендал – Бреймар». Фактически путешествие Макса обрывается в Абердине, он так и не доехал до планируемого пункта назначения – Шетландских островов¹. Духовное же его путешествие (путешествие по «черному тоннелю») пока еще не окончено, оно завершится в последней главе, которая называется «Пляж ясного света».

Каждая глава, за исключением последней², снабжена вставной новеллой, символизирующей одну из четырех стихий: землю, огонь, воду и воздух. Таким образом, в романе пять глав, последняя из которых стоит особняком. Каждая глава, в свою очередь, также имеет четкую структурную организацию и включает в себя четыре пронумерованные и взаимосвязанные между собой подглавы плюс одну вставную новеллу, которая является самостоятельной и имеет отдельное название. Последняя, пятая, глава имеет особую структуру, поскольку не является обязательной частью маршрута главного героя. В отличие от предыдущих четырех она имеет отдельное название и символизирует конечный пункт назначения, не зависящий от изначально спланированного пути следования. Она состоит из двух пронумерованных подглав и одной (последней) подглавы, озаглавленной «√–1». Таким образом, роман построен по следующей схеме: внешняя структура романа выстроена по формуле 4+1, эта же формула сохраняется во внутренней структуре каждой главы, за исключением последней (2+1), всего в романе 23 подглавы (что по сумме однозначных чисел равняется пяти), а последняя подглава романа символизирует невещественное и невозможное число √–1.

Такое структурное построение несет особую символическую нагрузку и как минимум отсылает к циклу из четырех поэм Т.С. Элиота «Четыре квартета»³, название и цитаты из которого не только присутствуют прямо в тек-

¹ Если составить приблизительную географическую карту передвижения Максвелла Сима и сравнить ее с маршрутом Дональда Кроухерста, то получится, что они передвигались в прямо противоположных направлениях: Кроухерст двигался с севера на юг, а Макс с юга на север.

² Роль вставной новеллы здесь исполняет подглава «√–1»

³ Цикл поэм Т.С. Элиота «Четыре квартета» был написан в период 1934–1942 гг., впервые издан в единой композиции в 1943 г. В цикл входят поэмы: Бёрнт Нортон (1935), Ист Коукер (1940), Драй Сэлвейджес (1941), Литтл Гиддинг (1942) [5].

сте, но и своеобразно обыгрываются Коу. Так, к примеру, один из персонажей, отец Макса, был страстным поклонником творчества Элиота и несостоявшимся поэтом, написавшим сборник стихов под названием «Два дуга». В тексте романа также цитируются несколько строчек одной из поэм цикла «Бёрнт Нортон»:

Настоящее и прошедшее –
И оба, как говорят, наличествуют в будущем,
И будущее содержится в прошедшем.
Если все время веки настоящее,
Искупления не жди [7. С. 376].

Это произведение Элиота отличается особым символизмом и наиболее полно отражает концепцию мировосприятия поэта, которая отличалась особой целостностью, единством и универсальностью. «Четыре квартета» соотносятся с четырьмя временами года, четырьмя стихиями, возрастными этапами в жизни человека. В основу цикла Элиота были положены пятичастные квартеты Бетховена, а также «Божественная комедия» Данте. Название каждой из поэм соответствует географической местности, в которой побывал сам поэт.

Примечательной для исследователя здесь представляется параллель «пентатонической» конструкции романа Коу с пятичастными квартетами Бетховена для достижения гармонии целого и построения импровизаций в любой тональности. Изучение поздних квартетов великого композитора открывает удивительный мир глубокого психологизма, философских размышлений, созерцательности, задумчивости, драматизма, скорости, яркости и насыщенности звучания. Центром бетховенского монологического музыкального повествования становятся человек и окружающий его мир в планетарном масштабе, уникальность и индивидуальность выбранного пути, торжество сильного человеческого духа над страданием. Многочастность здесь будто бы рождена исповедальной импровизационностью музыки, с которой Бетховен обращается то ли сам к себе, то ли к Богу, то ли к очень узкому кругу понимающих душ. Так, сонатный финал квартета № 17 предваряется эпиграфом с подписанными под нотами словами: «Muss es Sein? – Es muss sein!» («Должно ли это быть? – Это должно быть!») В музыкальном исполнении этот диалог реализуется двумя мотивами – Grave (с вопросительными интонациями) и Allegro (с категорически утверждающими интонациями). В процессе развития мотив Grave, полный мучительного раздумья, преодолевается радостной народно-танцевальной музыкой темпа Allegro [8].

Аналогичным образом вся композиция элиотовского цикла построена по принципу восхождения к универсуму через прохождение дантовского ада, чистилища и рая. В романе Коу такая символика сохраняется, главный герой поэтапно проходит через стадии горя и утраты, через очищение страданием к предполагаемому финальному спокойствию и благоденствию. Географическая смена местности, физическое перемещение героя в пространстве также символизирует динамику и развитие внутреннего мира, его тесную,

глубокую взаимосвязь с миром внешним. Удивительной особенностью хронотопа этого романа является также и то, что он математически точно выстроен и вписан в большинство интертекстуальных и метатекстуальных ссылок, образуя единое и причудливое целое.

«Ад» в романе представлен символически, в первой части романа в описании преобладают мрачные серые тона: мир вокруг изображается «серым и холодным» [7. С. 113], предместья Хартфордшира описываются как «угрюмые, одноцветные» [7. С. 111], городской парк – «не райские кущи» [7. С. 113]. Люди вокруг воспринимаются героем как призраки-тени, словно возникшие из подземного мира: «...вокруг меня раскинулись магазины с привычными названиями, сплошь международные бренды, и по этим магазинам бродят толпы пассажиров, ошалевших от смены часовых поясов; с отрешенностью лунатиков они двигались между полками, стойками и вращающимися витринами, глядя на товары остекленевшими незрячими глазами» [7. С. 49–50]. Оказывается символичным и то место, где Макс впервые задумывается о никчемности своей жизни, – это происходит в общественном туалете, находящемся в «деревянной кабинке, под землей, в подвале ресторана в Сиднейской бухте» [7. С. 26].

В период «ада» герой часто пребывает в состоянии «черной депрессии», приступы которой представляют собой пытку и напоминают ему о фильме ужасов, который он когда-то видел в детстве. «Героя запирали в потайной комнате огромного старого замка; главный негодяй нажимал на рычаг, и потолок в комнате начинал медленно опускаться. Все ниже и ниже, грозя раздавить героя. Я испытывал примерно то же самое. Конечно, депрессия не расплющивала меня в лепешку, но что-то близкое к тому имело место: она тяжким грузом ложилась на плечи, лишала свободы движений, парализуя меня» [7. С. 48]. Герой практически не выходит из дома, не общается с людьми, не видит будущего перед собой: «Мир пребывал на грани финансовой катастрофы, газеты пестрили апокалиптическими заголовками, предвещавшими скорое крушение банков, в результате чего мы все потеряем деньги, а западной цивилизации, какой мы ее знаем, наступит конец» [7. С. 167]. Мрачные картины мировосприятия Макса дополняются описаниями двух земных стихий: воды и земли. Такое наложение поэтических образов позволяет символически показать низшую ступень на пути восхождения героя.

В первой главе романа (вставная новелла «Вода: Слабак») преобладают водные образы. Здесь вода – это символ жизни, текучести, перемен. В тексте присутствует много специально окрашенной лексики, позволяющей воссоздать у читателя ощущение водной стихии: «вода и огни Сиднейской бухты» [7. С. 23], нахлынувшие воспоминания из прошлого («вдруг все разом нахлынуло» [7. С. 12]), страстное стремление героя к общению, внезапно пробудившееся желание жить («я жадно набросился на Чарли, беззастенчиво вывалил на него столько слов, хлынувших бурным потоком из открывшихся шлюзов» [7. С. 49]). Встреча с девушкой Поппи, которая поведала Максиму историю Кроухерста, тоже описана символично: «...этот взрыв цвета и привлек мое внимание, вырвав меня из тьмы депрессии, – девушка

походила на призывно горящий маяк... свечение, которое я увидел, исходит от нее самой, вокруг девушки словно сияла аура» [7. С. 50]. Благодаря таким параллелям жизнь и судьба Макса помещаются в некий универсальный контекст, где его личный жизненный путь сопоставляется с движением корабля в открытом море, а встречающиеся на этом пути люди играют роль направляющих, маяков, которые указывают, в каком направлении предписано двигаться дальше.

Вторая глава романа (вставная новелла «Земля: Яма с крапивой»¹) представлена преимущественно земными образами. Здесь появляется ощущение тяжести, гравитации. Герой испытывает «тяжесть в желудке» [7. С. 122], психологическую подавленность. Во вставной новелле «Земля: яма с крапивой» преобладают описания почвы, грунта, земного рельефа, противопоставляются «приземленный» лучший друг Макса Крис и сам Макс, «летающий в облаках». В этой главе демонстрируется необходимость ощущения «почвы под ногами», земля и сила гравитации становятся метафорой самоопределения личности, символизируют способность и умение героев найти свое место в жизни.

Третья глава романа (вставная новелла «Огонь: Погнутая фотография») символизирует наступление периода «чистилища» в жизни Макса. В этой главе Макс столкнется с множеством открытий, которые принесут ему душевные страдания и боль. Макс все глубже погружается в тайны своего прошлого, копаясь в старых школьных дневниках, записях и фотографиях и пытаясь докопаться до истинных причин своих неудач. Этот этап символизирует динамику, активность, движение к цели, но для Макса это скорее не движение вперед, а движение в обратном направлении. Стихия огня здесь представлена разнопланово. Это и светящиеся рекламные вывески городов, и выжженные солнцем пустоши, и эксклюзивные постройки жилых домов, возводимые на руинах огромного промышленного завода, символизирующие, что «скоро феникс восстанет из пепла» [7, С. 237]. Вставная новелла изобилует описаниями огня и всего, что с ним связано. Описание рекордной жары 1976 г. («над Британией непрерывно сияло солнце» [7, С. 259]) дополняется подробными инструкциями, как нужно разжигать костер, чтобы пламя долгое время не угасало («нельзя просто набросать кучу веток и поджечь их спичкой» [7, С. 264]). Умение обращаться с огнем, раздобыть этот огонь выступает здесь метафорой практических навыков и умений человека, символизирует его способность устраивать свою жизнь и создавать комфортные условия. Такими навыками и умениями обладают не все персонажи романа. В этой новелле опять противопоставляются Крис, которому «хватало одной спички, чтобы разжечь хорошее, яркое пламя, которое не гасло в течение нескольких часов» [7. С. 265], и Макс, на которого «невыносимо было смотреть, как он бросает одну за другой потухшие спички в костер, не желающий разгораться» [7. С. 272].

¹ Впоследствии была опубликована как самостоятельный рассказ в сборнике *Ox-Tales: Earth* (2009).

Четвертая глава романа (вставная новелла «Воздух: Восход солнца») символизирует этап восхождения героя к раю. Глава изобилует описаниями восхождения, отдаления от земли, растворения в воздухе. Герой подмечает, что дорога, по которой он едет, «постепенно и плавно поднималась все выше над уровнем моря, а по сторонам была дикая сочная природа» [7. С. 331], при этом он сам постепенно теряет связь с самим собой, своей подлинной сущностью: «...иногда у меня возникает чувство, будто я нахожусь вне моего тела, смотрю на него со стороны, и даже в то утро в Кендале был момент, когда мне чудилось, что я смотрю на Хай-стрит сверху и вижу себя, идущего по улице среди толпы...» [7, С. 333]. Макс подмечает, что он не только утратил почву под ногами, но и перестал контролировать свои мысли, словно «отпуская их на волю» [7. С. 334]. Макс, находившемуся в таком пограничном состоянии, словно между небом и землей, открываются новые возможности, благодаря которым ему удастся лучше понять своего отца, постичь причины своих неудач, обрести гармонию со своей, как ему кажется, подлинной сущностью.

Последняя глава романа, под заглавием «Пляж ясного света», символизирует обретение рая. Перед Максом открываются потрясающие австралийские пейзажи, тихое и теплое море, завораживающая полоска горизонта, символизирующая слияние неба и земли. В этой главе много солнца («открытое солнечное небо» [7. С. 477]), цвета («...бассейн... переливающийся всеми оттенками синего и зеленого» [7. С. 478]), света («Серое медленно превращалось в серебристое, когда облака начинали рваться и пропускать блики уходящего солнца. Но довольно скоро они вспыхнули золотистым свечением и распались, удаляясь друг от друга... пока небо не прочертили бледно-красные и голубые полосы» [7. С. 496]). Пройдя сквозь «черный туннель», Макс вдруг почувствовал здесь себя словно в раю, он «чувствовал себя своим среди здешних обитателей, улыбчивых, расслабленных, доброжелательных» [7. С. 478]. На этом этапе Макс, как ему кажется, обретает гармонию, спокойствие, а также надежду на лучшее будущее.

Однако это не тот рай, о котором писали Данте в «Божественной комедии» и Элиот в своем цикле «Четыре квартета». Герою так и не удалось достичь духовного совершенства, его личностная идентичность была в итоге утрачена, а жизнь и судьба растворились среди жизней и судеб других героев. Макс вдруг стало казаться, что он уже не способен создать традиционную семью и обрести в ней себя, а потому единственный выход для него – набраться мужества и признать это, повторив тем самым судьбу своего отца. Теперь Макс, как и тогда, в случае с Кроухерстом, приходится признать, что он в очередной раз идет чьей-то чужой тропой, проживает чужую жизнь ценой утраты своей собственной. В финале романа остро встает вопрос о том, кто же на самом деле Макс, если он не имеет личности, не имеет индивидуального жизненного пути, не имеет силы воли и характера. В итоге Максвелл Сим оказывается тем, кто он есть на самом деле, – копией, симулякром, чистым конструктом писательского воображения, математическим мнимым числом, в соответствии с заглавием последней подглавы романа – $\sqrt{-1}$.

Здесь, по-видимому, кроется еще одна загадка романа. Сама структура глав по формуле $4+1$, количество подглав, по сумме однозначных чисел равное 5, мнимое число $\sqrt{-1}$ – все это отсылает к образцу математической красоты, тождеству Эйлера. Тождество Эйлера описывается как уравнение пяти констант (числа e , мнимой единицы i , числа π , единицы (1) и нуля (0)), пяти фундаментальных математических чисел, обнаруживающих тесную и глубокую взаимосвязь между собой. Особое значение здесь приобретает мнимая единица i , которая при взаимодействии с вещественными числами позволяет лучше понять и интерпретировать реальность [9, 10]. Может применительно к роману личность Макса, как конструкта писательского воображения, призвана сыграть роль этой самой мнимой единицы в историко-культурном аспекте? И параллели с Кроухерстом и Элиотом только подчеркивают эту взаимосвязь? А что если мыслить шире и провести параллель с биографией Б.С. Джонсона, автором которой также является Коу¹?

Исчезновение главного героя в финале по щелчку пальцев автора, лично появившегося на последних страницах романа и напрямую пообщавшегося со своим персонажем, было призвано стимулировать подобные вопросы в голове у читателя, равно как и поиск ответов на них. Эта встреча (реального автора и вымышленного персонажа) в очередной раз позволяет провести аналогию с тождеством Эйлера, сочетающим в себе комбинацию вещественных и мнимых чисел для более полного понимания и описания реальности. Примечательно, что при этой встрече автор говорит своему персонажу: «Право, Макс, по-моему, в вашем существовании *больше* смысла, чем в существовании многих других людей» [7. С. 506], подчеркивая при этом особую глубинную взаимосвязь между реальностью и вымыслом. Отвечая на упрек Макса в том, что написание романов не отражает существующей действительности, Коу признает: «...то, что я пишу, объективно не является «правдой» в буквальном толковании этого понятия. Однако я предпочитаю думать, что существует иная категория правды – более универсальная...» [7. С. 508].

В чем именно заключается эта «более универсальная» правда, остается решить самому читателю. Представляется, что исчезновение главного героя в финале символизирует абсурдность выбранного им пути, тупик, из которого просто нет другого выхода. Подобный прием призван показать важность сохранения индивидуальности и личностной идентичности в многоликом и быстро меняющемся мире. Принципиально важным оказывается найти свой жизненный путь и следовать ему, вместо того чтобы искать сходства с другими судьбами и подражать им. На извечный философский вопрос, что же собой представляет индивидуальная человеческая жизнь, само-

¹ В одном из своих интервью Коу особо отметил рецензию на этот роман Эда Лэйка «You're human like the rest of them: Jonathan Coe's *The Terrible Privacy of Maxwell Sim*, в которой идет речь о параллелях с биографией Б.С. Джонсона. См.: <https://www.thenationalnews.com/arts/you-re-human-like-the-rest-of-them-jonathan-coe-s-the-terrible-privacy-of-maxwell-sim-1.526810>

стоятельный феномен или же копию уже прожитых кем-то и когда-то жизнью, Коу не дает однозначного ответа. По окончании прочтения романа очевидно лишь одно – следование социально-культурным стереотипам чревато утратой личностной идентичности.

Отдельно стоит отметить особую ответственность автора перед своими читателями. В разговоре с Максом Коу прямо ему говорит: «Я же как-никак за вас отвечаю» [7. С. 507]. Создание любых литературных и культурных стереотипов меняет общее информационное поле, которое хоть и опосредованно, но в конечном итоге воздействует на всякого, кто не живет в «информационном вакууме». Отсюда – особый запрос на «гравитацию» личности, фундаментальность основных принципов и устоев общества как целого. По словам самого Коу, попытка этим романом «выбить почву из-под ног у читателя» [9] должна заставить нас невольно задуматься над тем, «чего именно мы ждем от литературы и что конкретно она может нам дать» [9]. В своем комментарии к «Максвеллу Симу» Коу скажет: «Я пытаюсь наглядно показать всем вокруг, где есть вымысел, а где реальная жизнь, и не стоит путать эти два мира друг с другом» [9].

Таким образом, роман Джонатана Коу «Невероятная частная жизнь Максвелла Сима» представляет собой наглядный и наиболее вероятный, в противовес заглавию, сценарий развития личности, утратившей основы своей самодостаточности и индивидуальности. В качестве первоначальных причин, способствующих личностному размыванию и деградации, выступают внешние факторы, помноженные на глубинные внутренние комплексы главного героя, что интертекстуально отражено в заглавии, отсылающем к короткому рассказу Джеймса Тёрбера. При отсутствии адекватной сдерживающей реакции процесс распада личности героя усугубляется за счет дальнейшего размывания его идентичности в архетипах историко-культурной матрицы и виртуальной реальности, что метатекстуально реализуется «говорящей» фамилией Макса (Сим – сим-карта) и его самоидентификацией с реально существовавшим историческим персонажем Дональдом Кроухерстом. Интерпретация личностной трансформации героя контрастно оттеняется структурно-композиционной организацией романа, отсылающей то ли к элиотовскому циклу «Четыре квартета», то ли к пятичастным квартетам Бетховена, то ли к «Божественной комедии» Данте, то ли к тождеству Эйлера из пяти констант. Все компоненты романа в совокупности подчеркивают сложность поиска духовно-нравственных ориентиров, тесную взаимосвязь вещественного и невещественного мира, важность сохранения фундаментальных нравственных принципов и устоев общества, в очередной раз актуализируя вопросы о роли истории, культуры и литературы как хранилищ «более универсальной правды» в процессах становления и развития личности. Комплексный анализ интертекстуальных и метатекстуальных связей наряду со структурно-композиционной и публицистической составляющей, игровыми практиками в финале и заглавии позволил авторам предположить наличие в тексте ценностно- и личностно-формирующих приемов и принципов, призванных мотивировать современного читателя к размышлению и самостоятельному поиску ответов на интересующие его вопросы.

Список источников

1. Ask Jonathan Coe – Thursday, October 31 URL: https://www.goodreads.com/topic/show/1517252-ask-jonathan#comment_form (дата обращения: 27.12.2022).
2. Mullan J. *What a Carve Up!* By Jonathan Coe: Week four : readers' responses // *The Guardian*. 2011. 23 April. URL: <https://www.theguardian.com/books/2011/apr/23/book-club-what-a-carve-up-week-four> (дата обращения: 27.12.2022).
3. Guignery V. Jonathan Coe. L. ; N.Y. : Palgrave Macmillan, 2016. 192 p.
4. Jonathan Coe: Contemporary British Satire / ed. by Philip Tew. L. : Bloomsbury Academic, 2018.
5. Haritonenko J. Words multiplied by music: Musicalised Fiction in the 21st Century // *Consciousness, Theatre, Literature and the Arts 2013* / ed. by D. Meyer-Dinkgräfe. New Castle upon Tyne : Cambridge Scholars Publishing, 2014. P. 215–233.
6. Храмова Ю.А. Мотивы утраты и одиночества в романе Д. Коу «Невероятная частная жизнь Максвелла Сима» // *Филологический класс*. 2020. Т. 25, № 2. С. 258–266.
7. Коу Д. Невероятная частная жизнь Максвелла Сима / пер. с англ. Е. Полецкой. М. : Фантом Пресс, 2012. 512 с.
8. Конен В. Бетховен: Камерно-инструментальное творчество. Струнные квартеты. URL: https://www.belcanto.ru/beethoven_quartets.html (дата обращения: 13.11.2022).
9. Laity P. A life in writing : Jonathan Coe // *The Guardian*. 2010. 29 May. URL: <https://www.theguardian.com/books/2010/may/29/life-writing-jonathan-coe> (дата обращения: 13.11.2022).

References

1. Goodreads.com. (2022) *Ask Jonathan Coe* – Thursday, October 31 [Online] Available from: https://www.goodreads.com/topic/show/1517252-ask-jonathan#comment_form (Accessed: 27.12.2022).
2. Mullan, J. (2011) *What a Carve Up!* By Jonathan Coe: Week four: readers' responses. *The Guardian*. 23 April. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/books/2011/apr/23/book-club-what-a-carve-up-week-four> (Accessed: 27.12.2022).
3. Guignery, V. (2016) *Jonathan Coe*. London; New York: Palgrave Macmillan.
4. Tew, P. (ed.) (2018) *Jonathan Coe: Contemporary British Satire*. London: Bloomsbury Academic.
5. Haritonenko, J. (2014) Words multiplied by music: Musicalised Fiction in the 21st Century. In: Meyer-Dinkgräfe, D. (ed.) *Consciousness, Theatre, Literature and the Arts 2013*. New Castle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing. pp. 215–233.
6. Khramova, Yu.A. (2020) Motivy utraty i odinochestva v romane D. Kou “Neveroyatnaya chastnaya zhizn' Maksvelly Sima” [Themes of Loss and Loneliness in J. Coe's Novel “The Terrible Privacy of Maxwell Sim”]. *Filologicheskij klass*. 25 (2). pp. 258–266.
7. Coe, J. (2012) *The Terrible Privacy of Maxwell Sim*. Moscow: Fantom Press. (In Russian).
8. Konen, V. (2022) *Beethoven: Kamerno-instrumental'noe tvorchestvo. Strunnye kvartety* [Beethoven: Chamber and instrumental works. String quartets]. [Online] Available from: https://www.belcanto.ru/beethoven_quartets.html (Accessed: 13.11.2022).
9. Laity, P. (2010) A life in writing: Jonathan Coe. *The Guardian*. 29 May. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/books/2010/may/29/life-writing-jonathan-coe> (Accessed: 13.11.2022).

Информация об авторах:

Храмова Ю.А. – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Саратовского ГМУ им. В.И. Разумовского Минздрава России (Саратов, Россия). E-mail: khramovaya@mail.ru

Парашенко-Корнейчук Л.Н. – старший преподаватель кафедры иностранных языков Саратовского ГМУ им. В.И. Разумовского Минздрава России (Саратов, Россия). E-mail: par_larisa@mail.ru

Свистуненко Т.А. – канд. искусствоведения, профессор кафедры теории музыки и композиции Саратовской государственной консерватории им. Л.В. Собинова (Саратов, Россия). E-mail: tsvist@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Yu.A. Khramova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Saratov State Medical University (Saratov, Russian Federation). E-mail: khramovaya@mail.ru

L.N. Paraschenko-Korneychuk, senior lecturer, Saratov State Medical University (Saratov, Russian Federation). E-mail: par_larisa@mail.ru

T.A. Svistunenko, Cand. Sci. (Art History), professor, Saratov State Conservatory named after L.V. Sobinov (Saratov, Russian Federation). E-mail: tsvist@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.01.2023;
одобрена после рецензирования 16.10.2023; принята к публикации 30.09.2024.*

*The article was submitted 13.01.2023;
approved after reviewing 16.10.2023; accepted for publication 30.09.2024.*